

Бескрайние горные хребты утопали в густой зелени, скрывавшей солнце. То тут, то там, не умолкая ни на миг, перекликались птицы и стрекотали насекомые.

В самой чаще первозданного леса, на вековом дереве, на высоте трех метров над землей раскинулась мощная ветвь. На ней, вытянувшись во весь рост, лежал стройный молодой человек. Его колени были слегка подогнуты, руки закинута за голову, а лицо прикрито раскрытой на середине книгой. Когда набегал легкий ветерок, полы его одежд едва заметно колыхались. В этой картине чувствовалось удивительное умиротворение, словно само время замедлило свой бег.

Вдруг из густой травы с громким кудахтаньем выскочил пестрый фазан. Его сильные лапы заскребли по земле, а острый клюв принялся деловито постукивать по дерну в поисках корма.

Человек, только что мирно дремавший, бесшумно сел. Он нащупал самодельный лук, наложил стрелу и прицелился в добычу, не подозревавшую о близости опасности. Смуглые длинные пальцы внезапно разжались, стрела со свистом сорвалась с тетивы и точно пронзила ничего не почуявшую птицу. После протяжного вскрика фазан дернул лапами и затих, став безмолвным трофеем охотника.

Юноша на дереве довольно усмехнулся, ловко спрыгнул на землю, достал спрятанную за стволом корзину и уложил туда добычу. Это был не кто иной, как Е Цзюньшу.

Прошел год. Его рост теперь составлял более восьми чи — то есть перевалил за метр восемьдесят. Широкие плечи, узкая талия и прямая спина делали его фигуру еще более статной. В этих северных краях, где люди и так обычно крупные, он выделялся, словно «журавль среди стаи кур».

Он довольно долго не выбирался на охоту, но сегодня на него нашло вдохновение. Прихватив оружие и какую-то книгу с записями, он убежал в лесную глушь. Чтение в безмолвии гор дарило особый настрой: он нашел место, где часто пробегала дичь, и совмещал приятное с полезным — читал, поджидая добычу. Хоть времени ушло немало, поход того стоил: вечером на столе будет мясо.

Е Цзюньшу был в отличном настроении. Судя по небу, сейчас самое время возвращаться. По пути он заглянул к своим ловушкам. И не зря: в две из них попалась добыча. Один из кабарожек (кабарга́ — небольшое парнокопытное оленевидное животное) запутался некрепко — приди Цзычжоу чуть позже, зверь бы вырвался. Сегодняшний улов был богатым, и настроение поднялось еще выше.

Е Цзюньшу легким шагом спускался с горы. По дороге он с улыбкой приветствовал односельчан; пара коротких бесед с соседями отняла еще немного времени.

Теперь его положение в деревне было совсем не тем, что прежде. С тех пор как год назад он стал сюцаем, его слово приобрело вес. В важных деревенских делах он теперь имел право голоса. Разумеется, Цзычжоу не задирает нос и не пытался командовать соседями, прикрываясь статусом. Весь этот год он был погружен в учебу. Односельчане понимали, что он метит выше, поэтому гордились им и старались не докучать по пустякам. Кто знает, вдруг из их деревни Ецзяцунь выйдет большой чиновник!

Подойдя к дому, Е Цзюньшу увидел, что ворота распахнуты. Со двора доносился детский смех — похоже, было весело. Войдя, он увидел нежданного гостя.

— Шицун? Ты как здесь?

— Цзычжоу, вернулся наконец! — расплылся в улыбке Цинь Яолянъ.

За год характер шицюна ничуть не изменился. Учитель Цинь окончательно махнул на него рукой: решил, видимо, что звания сюця сыну достаточно, а дальше пробиться всё равно не судьба, поэтому перестал ограничивать его в перемещениях.

Получив волю, Яолянъ чуть ли не каждые три дня наведывался в деревню Е — то с детьми поиграть, то над своей рукописью помудрить. Стоило Е Цзюньшу отложить учебники, как шицюн тут же принимался вытягивать из него новые истории и идеи для сюжетов. Поначалу Цзычжоу отнекивался, но против такого напора устоять было невозможно.

В последнее время визиты участились настолько, что казалось, Яолянъ вот-вот переедет к ним насовсем. Сначала Е Цзюньшу не придавал этому значения, но когда шицюн начал с отсутствующим видом постоянно заводить разговоры о «одном гэре из такой-то семьи», до Цзычжоу наконец дошло: о, да наш шицюн влюбился!

По логике вещей, при такой крепкой дружбе он должен был обеими руками поддерживать приятеля и изо всех сил помогать сватовству. Но беда была в том, что шицюн положил глаз на Ло-гэра.

Лицо Е Цзюньшу тут же потемнело. Он был очень близок с семьей аму Миня и считал Ло-гэра и его братьев своими младшими. Когда он узнал, что кто-то заглядывается на их пятнадцатилетнего «младшего брата», он посмотрел на Цинь Яолянъ так, будто у того на лбу было написано слово «Скотина».

Ло-гэру всего пятнадцать! Совсем еще ребенок! А шицюн уже строит планы! Всем своим видом Е Цзюньшу выражал протест, и не выставил друга за дверь только из уважения к их долгой дружбе. При этом он избирательно «забыл», что в эти времена гэров начинают сватать уже с четырнадцати лет.

— Цзычжоу! — Цинь Яолянъ суетился вокруг него, пытаясь помочь. — У нас точно души в унисон поют! Ты, видать, почувствовал, что я приду, и специально в горы за дичью сходил? Брат тронут до глубины души!

Е Цзюньшу лишь скривил губы: «Много на себя берешь».

Увидев, что Цзычжоу достает из корзины жирного кролика, Яолянъ тут же всё понял. Он выхватил тушку и в мгновение ока умчался за ворота:

— Это ведь для аму Миня, да? Я сам отнесу, я помогу!..

Не успел Цзычжоу и слова вставить, как того и след простыл.

Е Цзюньшу с каменным лицом понес оставшуюся добычу на кухню.

Хоть Ло-гэр и не любил выходить из дома, шицюн зачастил сюда так сильно, что рано или поздно они должны были столкнуться. Цзычжоу был уверен, что виделись они всего пару раз — как же этот оболтус успел так быстро влюбиться?

Лу-гэр, пришедший помочь с готовкой, не выдержал и хихикнул:

— Гэгэ, на самом деле брат Яолянъ и Ло-гэр очень друг другу подходят. Не хмурься ты так!

Е Цзюньшу лишь фыркнул. И в чем же они подходят? Один — вечно шумный и беспардонный, другой — тихоня, не выходящий из комнаты. Один — из семьи книжников, другой — из крестьянской бедноты. В это время, когда сословные границы так важны, Цзычжоу всерьез опасался, что Ло-гэру после свадьбы будет несладко в доме ученых.

— Учитель и шиму — очень добрые люди. Ло-гэра там никто не обидит, — продолжал Лу-гэр.

Цзычжоу и сам это знал, но брак — дело непростое. Обе семьи были ему близки, и он не хотел, чтобы у кого-то остались обиды. Если обе стороны будут искренне согласны — тогда, конечно, это будет радость для всех.

Е Цзюньшу легонько щелкнул Лу-гэра по лбу:

— Ах ты, егоза! Об этом еще и речи толком не было, так что не болтай лишнего на людях, не позорь Ло-гэра.

Лу-гэр закивал:

— Я понял! — На самом деле он позволял себе такие разговоры только при старшем брате.

— Заключение союза — дело всей жизни. Мы люди посторонние и не должны указывать. Если у шицона серьезные намерения, он сам со всем разберется. Если получится — искренне поздравим, а если нет — это не должно стать поводом для вражды.

Лу-гэр снова послушно кивнул.

Вскоре вернулся Цинь Яолян — понурый, явно не встретил того, кого хотел. Он зашел в кухню и, увидев там Лу-гэра, поспешно сказал:

— Лу-гэр, иди поиграй, а я помогу твоему брату. Лу-гэр переглянулся со старшими и вышел.

Е Цзюньшу как раз кипятил воду, собираясь ошипать и разделать дичь. Цинь Яолян присел рядом и, замаявшись, спросил:

— Цзычжоу, послушай... я вот что хотел спросить. Как ты на меня смотришь? Кажусь ли я тебе надежным человеком? Таким, которому не страшно доверить свою судьбу?

— Раз уж ты спрашиваешь... — медленно протянул Е Цзюньшу, — то я считаю тебя совершенно ненадежным! С таким-то ребячливым характером — какая тут надежность? Как тебе жизнь доверять?

Цинь Яолян тут же скис, всем видом показывая, что его таланты просто не ценят.

Потом он, вспомнив о чем-то, внезапно покраснел и пробормотал:

— Цзычжоу, как думаешь, если я пойду к аму Миню просить руки Ло-гэра — как всё пройдет?

Наконец-то он признался в своих мыслях! Е Цзюньшу-то думал, что тот продолжит ломать комедию. Он закатил глаза:

— Откуда мне знать? Ты с шиму об этом говорил? Согласен ли он на такое родство? Если да, то именно шиму должен идти к Мин-аму и вести переговоры.

Глаза Цинь Яоляня мгновенно загорелись: — Ты совершенно прав! Аму и так меня постоянно

изводит, мол, пора жениться. Он только обрадуется, когда узнает! Если он пойдет сватать — всё точно выгорит!

Шиму уже несколько лет подбирал ему кандидатов в фуланы, но Яоляню никто не нравился, вот дело и стояло. Ему уже почти двадцать — у его старшего брата в этом возрасте дети вовсю бегали. Шиму места себе не находил из-за его холостой жизни. Теперь, когда у сына появилась сердечная привязанность, он точно будет счастлив!

Е Цзюньшу подумал: «Не факт». Аму Мин как-то обмолвился, что хочет найти для Ло-гэра пару в своей деревне, чтобы тот не уезжал далеко. Так что шицун может остаться ни с чем. Но, видя сияющего Яоляня, Цзычжоу не стал его расстраивать. На самом деле, если посмотреть под другим углом, с характером Ло-гэра в любой семье пришлось бы переживать — не обидят ли его? В доме шицуна таких опасений не было бы: учитель и шиму — люди добрейшей души, Ло-гэр там будет жить припеваючи. Главное, чтобы шиму сам захотел принять его в семью.

Рассудив так, Е Цзюньшу решил дать другу совет:

— Если ты искренне хочешь этого союза, тебе сначала нужно убедить учителя и шиму принять Ло-гэра...

Цинь Яолянть слушал и прилежно кивал, впитывая наставления. К концу разговора он уже не мог усидеть на месте — ему нетерпелось поскорее вернуться домой и поговорить со своим аму по душам.

— Цзычжоу, ты прав. Брак — это не просто двое, это объединение двух семей. Нужно всё обсудить заранее, иначе потом начнутся раздоры, а страдать будем мы сами.

Видя, что Цинь Яолянть всё правильно понял, Е Цзюньшу закрыл тему и велел ему помогать с ужином. Вода закипела, и пока они вдвоем потрошили добычу, Яолянть вдруг вскрикнул:

— Ой!

Е Цзюньшу поднял на него взгляд. Тот заморгал:

— Точно, совсем забыл сказать! Афу велел передать, чтобы ты немедленно приехал в город. У него к тебе дело... Ну, сейчас уже поздно, так что, думаю, завтра тоже сойдет.

Е Цзюньшу: «...» Ему до смерти захотелось плеснуть в это лицо грязной водой.

На следующий день они вместе отправились в город. Цинь Яолянть, едва сойдя с повозки, вихрем умчался к своему аму обсуждать дела сердечные. Е Цзюньшу же направился в школу к учителю. Шли занятия. Пока Цзычжоу стоял у дверей, слушая лекцию, учитель заметил его приход. Е Цзюньшу пошел ждать в кабинет. Через некоторое время вошел Цинь Кантянь. Цзычжоу поздоровался и сразу перешел к делу: — Учитель, шицун сказал, что вы звали меня?

Цинь Кантянь сел и жестом предложил Е Цзюньшу расположиться напротив — явно готовился к долгому разговору.

— Цзычжоу, за этот год я передал тебе всё, что знал сам. Ты блестящий ученик. Моих способностей больше не хватает, чтобы вести тебя дальше — именно поэтому я до сих пор не решался официально принять тебя в свои личные ученики.

Е Цзюньшу открыл было рот, чтобы возразить, но Цинь Кантянь поднял руку, останавливая его:

— Чтобы пробиться на государственном экзамене, необходимы наставники высокого уровня и достойный круг общения. Уезд Фэнчэн стал слишком тесен для твоего роста. Если останешься здесь — это только навредит тебе. Поэтому я связался со своим давним другом. Пару дней назад пришел ответ: он готов помочь. Вот рекомендательное письмо в Академию Юнчжоу. С ним ты сможешь поступить туда без промедления.

Учитель Цинь действительно вложил душу в этого ученика. Он даже переступил через гордость, написав другу, которого не видел много лет. В письме он расписывал таланты Цзычжоу, надеясь, что друг возьмет его в личные ученики или посоветует кого-то достойного. Однако тот, видимо, не спешил верить на слово, поэтому о наставничестве в ответе речи не шло — прислали только рекомендацию в академию. Учитель решил не говорить об этом Е Цзюньшу, чтобы не расстраивать.

Цзычжоу смотрел на письмо, и в груди у него теснились противоречивые чувства. Он тихо произнес:

— Учитель...

Он и представить не мог, что Цинь Кантянь так сильно о нем печется. Слова благодарности застряли в горле.

— Раз уж ты решил идти этой дорогой, то это всё, чем я могу тебе помочь. Дальше — сам. Академия Юнчжоу — крупнейшая в провинции, там множество выдающихся наставников и одаренных студентов. Уверен, ты почерпнешь там много нового. Проучись усердно два года, а потом пойдешь на провинциальный экзамен — верю, что твои успехи заставят меня гордиться тобой.

— ...Да. Учитель, я не подведу вас.

В итоге Е Цзюньшу ушел с заветным письмом. Весь день дома он размышлял: и с точки зрения карьеры, и по личным соображениям переезд в Юнчжоу был лучшим выходом. Провинциальный экзамен всё равно сдается в главном городе провинции, так что он будет на месте... Если он сдаст сяньши (провинциальные экзамены, проводившиеся раз в три года, успешная сдача давала степень цзюйжэнь), ему придется ехать в столицу на хуэйши (столичные экзамены после сяньши, сдавшие получали степень гунши представленный студент») и дяньши (дворцовые экзамены, высший этап, проводившийся во дворце под личным наблюдением императора. Сдавшие получали степень цзиньши и распределялись по рангам для немедленного получения государственных должностей).

Если повезет — останется в столице чиновником. Значит, он может не вернуться в родную деревню долгие годы. Следовательно, детей нужно брать с собой. Это было судьбоносное решение для всей семьи, и Е Цзюньшу не мог принять его в одиночку. Поэтому после ужина он собрал всех на семейный совет. Он честно рассказал о планах и переезде. Младшие просто кивали — куда старший брат, туда и они. Главным для него было услышать мнение двоих старших ребят.

Этот отъезд мало чем отличался от изгнания из родных мест. Он и сам не знал, какой будет их жизнь в будущем. Сяо Шаню уже исполнилось тринадцать, и нужно было уважать его мнение, да и Лу-гэр рос парнем со своим взглядом на вещи.

Лу-гэр посмотрел сначала на второго брата, затем на старшего и первым высказал свои мысли:

— Пока наша семья вместе, домом нам будет любое место. Я не хочу, чтобы мы, братья, разлучались.

Сяо Шань на мгновение замялся, но тоже принял решение:

— Лу-гэр прав. Я тоже не хочу, чтобы мы расставались. Только когда все вместе — это настоящий, целый дом.

Е Цзюньшу улыбнулся:

— Пока вы окончательно не вырастете, старший брат тоже не хочет с вами расставаться.

Он был старшим сыном и считал, что пока птенцы не обрели самостоятельность, он должен укрывать их под своим крылом.

— Брат, а наших сбережений хватит? — с тревогой спросил Сяо Шань.

На чужбине за еду и жилье придется платить серебром, а у брата там не будет возможности охотиться и зарабатывать. Их так много — хватит ли денег?

— Не волнуйся, у нас много накоплений. Хватит на безбедную жизнь лет на восемь-десять, — ответил Е Цзюньшу.

За эти годы, благодаря подаркам от других и собственным заработкам, его капитал вырос до внушительной цифры. Цзычжоу просто боялся, что дети не умеют держать язык за зубами, поэтому не называл точных сумм, чтобы случайно не сболтнули лишнего и не привлекли завистников или воров.

Сяо Шань кивнул, но в глубине души всё равно переживал. Обучение брата в столице провинции наверняка влетит в копеечку. Если расходы превысят доходы — добром это не кончится.

«Что ж, буду есть поменьше, — решил он про себя. — К тому же я уже большой, смогу найти работу и облегчить бремя семьи».

<http://bllate.org/book/15226/1397220>